

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.В. Устинова

НАРРАТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАЛОЙ ПРОЗЫ ДМИТРИЯ БАКИНА: ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; utanja@mail.ru

Аннотация. В статье с опорой на методологический аппарат лингвистики нарратива и лингвостилистики анализируется специфика нарративной организации рассказов Дмитрия Бакина. На материале рассказа «Листья» иллюстрируются функциональные, структурно-синтагматические и изобразительно-выразительные параметры уникального художественного языка писателя. Англоязычный перевод рассказа, выполненный Эндрю Бромфилдом, исследуется в целях выявления оптимальных переводческих решений по воссозданию сложной содержательной формы исходного текста, построенного по принципу нарративного многоголосия и динамической смены режимов повествования (с нулевой, внешней и внутренней фокализацией). Средствами сопоставительного и переводоведческого анализа выявляется общая программа переводческих действий (стратегия перевода), позволяющая переводчику добиться формально-эстетической эквивалентности текстов на двух языках и выполнить прагматическую задачу по сохранению композиционно-синтаксического инварианта оригинала во всей его структурной, смысловой и стилистической сложности. Синтаксическое уподобление описывается как стратегия работы переводчика с повествовательной формой текста, развертывание которого происходит посредством каскадного синтаксического осложнения простых предложений, разветвленного соположения и противопоставления разных типов сочинительной и подчинительной связи в рамках одного повествовательного отрезка текста.

Устинова Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; utanja@mail.ru

© Устинова Т.В., 2026

Ключевые слова: художественный перевод, композиционно-структурные трудности перевода, синтаксическое уподобление, свободный косвенный дискурс, грамматическая идиоматичность перевода

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-10

Для цитирования: Устинова Т.В. Нарративно-синтаксическая организация малой прозы Дмитрия Бакина: эквивалентность и идиоматичность перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 150–166. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-10

Дмитрий Бакин (1964–2015 гг.) — это псевдоним Дмитрия Геннадьевича Бочарова, русского писателя с самобытным авторским мировидением и уникальной манерой письма, аскета и отшельника, который избегал любой публичности, но не смог избежать мирового литературного признания. Несмотря на то, что рассказы писателя полны натуралистичных деталей и узнаваемых советских реалий, литературоведы считают, что проза Д. Бакина плохо вписывается в современные литературные течения и резко выделяется на фоне творчества других русских «реалистов»: «стиль его рассказов — отстраненный, по-платоновски усложненный, метафорический» [Кожанова, 2015: 53]. Д.В. Кожанова так характеризует текстовый мир Д. Бакина, в котором «образы персонажей по своему универсальному и мощному звучанию приближаются к архетипам» [Кожанова, 2015: 62]: «Персонажи писателя укоренены не в быте, а в бытии. Его герои очень неудобны для критиков: их нельзя привязать к национальным и социальным критериям, объявить выразителями идей поколения. Проза Бакина открывает выход за зримую грань — к судьбе брошенного в мир человека, мучительно ищущего свое предназначение и обреченного на одинокую борьбу с небытием» [Кожанова, 2015: 54].

Неконвенциональное текстовое развертывание и оригинальная синтаксическая организация прозаической речи — отличительные особенности идиолекта писателя. Так, в анализируемом нами рассказе Д. Бакина «Листья» мена повествовательных инстанций и их «поток сознания» становятся внешней формой, которая фиксирует осциллирующее содержание притчи о мучительном поиске ответа на вопрос «как и кем жить?» и обретении Человеком смысла в постылом существовании. Описывая манеру повествования Д. Бакина, А.К. Котлов указывает, что «особым образом организованная речь передает и ощущение длящейся жизни, текучести времени, и — одновременно — прерывистости мысли» [Котлов, 2012: 289].

С начала 1990-х годов рассказы Дмитрия Бакина публиковались в литературных журналах, затем печатались отдельными изданиями. Довольно скоро его проза вызвала большой интерес у зарубежных исследователей и ценителей постсоветской литературы. В 2002 году увидел свет англоязычный перевод его рассказов, снабженный предисловиями американского слависта Байрона Линдси и британского переводчика Эндрю Бромфилда. Б. Линдси сравнивает манеру письма Д. Бакина с мощным многоструйным потоком: “The torrent of language sweeps the reader up into a stream of many levels. The sentences run on and spill over into eddies of modernism and more than any contemporaries, certainly in Russian writing today, one is reminded of Andrey Platonov” [Lindsey, 2002: ix].

Переводчик Э. Бромфилд подчеркивает самобытность писательского голоса Д. Бакина, его широкий диапазон и силу: “The efforts of the translator and editors have therefore been primarily directed to producing an English text which conveys the distinctiveness of Bakin’s voice, its sweep and force, its variety of registers, ranging from the vatic and riddling to the most brutally lucid” [Bromfield, 2002: xiv]. Как мы видим, переводчик использует прилагательные *vatic* и *brutally lucid* для обозначения авторской манеры повествования Бакина как интуитивно-провидческой, выходящей за пределы обычного человеческого восприятия, базирующейся на особом типе познания мира через внутреннее прозрение. По мнению Э. Бромфилда, читатель обязательно будет наслаждаться «интенсивностью мировидения» писателя. И редактор, и переводчик подчеркивают, что, несмотря на обилие советских и постсоветских реалий, проза Д. Бакина удивительно «метаисторична» и гуманистически универсальна. Его рассказы раскрывают и интерпретируют общечеловеческие и вневременные «модусы бытия и переживания» (“modes of being and experiencing” [Bromfield, 2002: xiv]).

В целом, в предисловиях переводчика и редактора отмечается стилистическая усложненность воплощения смысла у Д. Бакина и утонченность его образности. Однако основной трудностью перевода Э. Бромфилд считает донесение до англоязычного читателя идейно-эстетической содержательности формы уникального текстового развертывания в рассказах Д. Бакина, с учетом того, что эта форма используется писателем как основной прием смыслообразования и стилистического выдвигания. Э. Бромфилд пишет о многочисленных трудностях воссоздания в переводе оригинальной текстовой синтагматики, актуализирующей слитность речи повествователя с внутренней прямой речью персонажей: “Bakin does not

write in simple literary narrative Russian prose. He has a manner that is quite individual, frequently employing long, rolling periods within which the boundary between narrative and direct speech is often blurred. In combination with numerous metaphors and some non-standard elements of syntax, this frequently tends to produce an incantatory effect. In other words, he is not an 'easy' author" [Bromfield, 2002: xiii]. Работая с повествовательной формой Д. Бакина, переводчик ставит перед собой задачу создать такой текст перевода, который будет изоморфным отображением оригинала в структурно-нарративном и синтаксическом планах.

Отношение синтаксической эквивалентности для текстов переводной пары «английский — русский» является потенциально возможным, но на практике достаточно трудно достижимым (в силу неизоморфности паттернов синтагматического развертывания в двух языках) и далеко не всегда необходимым условием качественного перевода. Однако в случае перевода рассказов Д. Бакина обязательным параметром коммуникативно-равноценного перевода становится именно эквивалентность исходного текста (далее — ИТ) и текста перевода (далее — ПТ) на уровнях синтаксической организации. Э. Бромфилд отмечает, что задачи воссоздания для англоязычного читателя индивидуально-авторской манеры письма и межкультурной адаптации социо-исторического контекста потребовали творческих переводческих решений [Bromfield, 2002]. Переводоведческий анализ таких решений переводчика, работающего с неконвенциональным синтагматическими отношениями и неузвальными формами синтаксической организации русскоязычного повествования, на наш взгляд, может расширить понимание способов достижения синтаксической эквивалентности между текстами переводной пары русского и английского языков. Далее на материале сделанного Э. Бромфилдом перевода¹ рассказа Д. Бакина «Листья»² мы рассмотрим способы переводческой реконструкции сложной повествовательной формы оригинала.

В современной лингвистике повествовательную форму принято рассматривать как способ структурно-смысловой организации нарратива, своеобразную «нарративную рамку», внутри которой по определенным жанрово-композиционным законам развивается связанное повествование [Падучева, 1996]. В самом общем виде линг-

¹ *Bakin D. Leaves // Bakin D. Reason for Living / Ed. by B. Lindsey; translated by A. Bromfield. London; New York: Granta Books, 2002.*

² *Бакин Д. Листья // Бакин Д. Страна происхождения : Рассказы. СПб.: Лимбус Пресс, 1996.*

вистика нарратива выделяет такие повествовательные формы, как традиционный нарратив (перволичную и третьеличную формы) и свободный косвенный дискурс. Традиционный нарратив — это повествовательная форма, в которой «залогом композиционной целостности текста служит сознание повествователя» [Падучева, 1995: 40]. Свободный косвенный дискурс — такая форма повествования, в которой повествователь (во всем тексте или в существенных его фрагментах) отсутствует или играет пониженную роль в композиции [Падучева, 1995: 43]. Здесь повествователь (внеположный миру текста) частично уступает персонажу свое право на речевой акт: «Возникает чисто литературная фигура, невозможная в обыденном языке: персонаж 3-го лица замещает говорящего» [Падучева, 1995: 43].

Рассказ Д. Бакина представляет собой образец свободного косвенного дискурса, который «маскируется» под третьеличный нарратив с повествователем, занимающим метапозицию по отношению к миру текста. Однако фактически этот рассказчик постоянно уступает право своего голоса другим повествовательным инстанциям — главному герою Бедолагину-младшему и многочисленным второстепенным персонажам, населяющим изображаемый поселок между рекой и лесом. В связи с анализом свободного косвенного дискурса и его тенденции к импликации повествователя в структуре художественного текста возникает необходимость учета параметров несобственно-прямой речи, которая обеспечивает совмещенность речевых планов повествователя и персонажа. «Листья» композиционно выстроены таким образом, что представленность внутренних голосов многочисленных персонажей отражает именно их восприятие, оценку и эмоциональное переживание действительности мира текста, однако эгоцентрические элементы (в основном местоимения) и дейктические отсылки (дейктические грамматические категории вида и времени, способы выражения модальности и т.п.), как правило, «настроены» на одного «всеведущего» повествователя. Неконвенциональная синтаксическая организация текста маркирует меню повествовательных инстанций: точка зрения одного персонажа и его внутренний голос проявляются в рамках нарративного пассажа, который радикально усложнен синтаксически и реализован, например, в виде одного длинного чрезвычайно распространенного предложения с разными типами сочинительной и подчинительной связи или в виде длинного простого предложения с многочисленными однородными членами, осложненного многочисленными обособлениями и вводными конструкциями.

Рассказ «Листья» открывается картиной «явления героя из ниоткуда», и читатель видит босого мальчишку двенадцати лет, идущего «в поселок со стороны поля, так что река была у него по левую сторону, а лес по правую»³. С самого начала ярко проявляется авторская манера развертывания текста — каскады однородных членов предложения, цепочки клауз с разнообразием типов подчинительной связи, косвенный дискурс, «сплавливающий» голос внеположенного миру текста повествователя с внутренней речью персонажа: *Он пересек пустырь, миновал дом на отшибе, не постучавшись, потому что знал — на отшибе живут угрюмые, жесткие люди, готовые к бегству, — миновал второй дом, потому что тот был слишком велик, миновал обломки третьего дома, а в четвертом был принят грязным одноруким мужчиной и крепкой подслеповатой женщиной, семнадцать лет бездетности ожидавшими прихода Иисуса Христа*⁴. Для передачи такой манеры повествования переводчик использует синтаксическое уподобление: *He crossed a patch of wasteland and passed by the house at the edge of the village without knocking, because he knew that people who live at the edge of villages are surly and rough and ready to take flight, passed by the second house because it was too big, passed by the rubble of the third house, and in the fourth house he was taken in by a dirty one-armed man and a sturdy half-blind woman who had been waiting for the arrival of Jesus Christ for seventeen childless years*⁵.

Как известно, синтаксическое уподобление является приемом преобразования синтаксической структуры на ИЯ в изоморфную синтаксическую структуру на ПЯ с сохранением набора слов и — по возможности — порядка их расположения. Ранее мы анализировали случай синтаксического уподобления на материале перевода поэтического текста и отмечали, что такой переводческий прием не следует путать с буквальным пословным переводом или переводом-подстрочником, поскольку «синтаксическое уподобление с установкой на перевыражение образности ИТ требует большого переводческого мастерства и понимания “тонких настроек” сочетаемостных ограничений, синтагматической избирательности и — шире — лексико-грамматической идиоматичности как ИЯ, так и ПЯ» [Устинова, 2025: 244]. На этапе ревербализации переводческие решения должны холистически (по принципу взаимобусловленности) удовлетворять требованиям смысловой точности,

³ Бакин Д. Указ. соч. С. 6.

⁴ Бакин Д. Указ. соч. С. 6.

⁵ Bakin D. Op. cit. P. 1.

прагматической и жанрово-стилистической адекватности и идиоматичности перевода. У адресата перевода будет складываться впечатление естественной, одноязычной коммуникации только в том случае, если для формирования плана выражения в ПТ переводчик использовал идиоматичные для принимающего языка (то есть узואльно приемлемые, аутентичные, отвечающие конвенциям выражения комплексных значений и построения синтагматических связей) способы формулирования мысли и описания подразумеваемой ситуации [Устинова, 2024].

Синтаксическое уподобление в исполнении Э. Бромфилда является грамматически идиоматичным для англоязычного прозаического текста, то есть учитывает естественные для узуса ПЯ формы выражения синтагматических отношений, конкретные ограничения на сочетаемость и в целом сочетаемостные конвенции в английском языке, а также его лингвоспецифичность в синтаксическом оформлении частей предложения в единое целое. На уровне глубинных структур анализируемых предложений в ИТ и ПТ явно наблюдается наличие одного и того же лексико-семантического инварианта, а поверхностные синтаксические структуры в двух текстах характеризуются высоким изоморфизмом. При этом в переводе с учетом морфолого-синтаксической специфичности английского языка отличным от ИТ образом выражены тема-рематические отношения, переданы грамматические значения и синтаксические функции неличных форм глагола, реализованы категории личности/безличности. Кроме того, авторская пунктуация Д. Бакина, маркирующего прямую речь персонажа с помощью тире, адаптирована под конвенции английского языка и заменена на традиционное оформление придаточного дополнительного предложения. Кстати, в своем переводческом предисловии Э. Бромфилд упоминает трудности в работе с авторской пунктуацией Бакина и обосновывает необходимость в ряде случаев «сглаживать ее» (“the ‘smoothing out’ of certain elements of Bakin’s distinctive patterns of punctuation” [Bromfield, 2002: xiv]), чтобы не затруднять англоязычному читателю смысловое восприятие текста.

Проведенный нами анализ показал, что синтаксическое уподобление является основной стратегией перевода рассказов Д. Бакина на английский язык, позволяющей переводчику реконструировать нетривиальную повествовательную форму оригинала. При этом важно принимать во внимание, что качественно сделанное синтаксическое уподобление предполагает «не только узואльно естественное для ПЯ развертывание синтаксических структур, но

и тщательный подбор лексических соответствий для заполнения этих структур» [Устинова, 2025: 245].

Рассмотрим работу переводчика с лексическим составом высказывания в синтаксически уподобляемом текстовом отрезке на следующем примере:

ИТ: *Сидя за столом в доме Бедолагиных в день поминок, пьяная от самогона и недоедания бабка, проживавшая на отшибе, пела хвалебные гимны однорукому, вертясь на стуле, точно маленький смерч пуха и праха, едва сохраняя равновесие и глядя на Бедолагина-младшего, который сидел напротив, обезвоженными коричневыми глазами, блестящими, как полированное дерево, сказала — вот плод — и сказала — мертвого семени*⁶. — ПТ: *Sitting at the table in the Bedolagins' house on the day of the wake, drunk from moon-shine and malnutrition, the old woman who lived at the edge of the village sang paeans of praise to the one-armed man, twisting and squirming on her chair like a small whirlwind of dust and ashes, barely even keeping her balance and looking at Bedolagin junior, who was sitting opposite her, with her dehydrated brown eyes gleaming like polished wood, and she said, 'Behold the fruit,' and she said, 'Of the dead seed.'*⁷

Для передачи значения обстоятельства образа действия *вертясь на стуле* переводчик использует идиоматическое выражение-плеоназм *twisting and squirming (on her chair)*. Введение в ПТ такого семантически избыточного оборота придает полноту образу старухи, более точно обозначая манеру ее движения (*squirm* в значении 'to move around a lot making small twisting movements'). В оригинале двигательная характеристика актуализируется за счет использования сравнения *точно маленький смерч пуха и праха*, образная сложность которого построена на буквализации русского фразеологизма «в пух и прах» ('совершенно, полностью, до основания'). В ИТ присутствует полифония подразумеваемых контекстуально-наведенных значений: образ старухи конструируется как образ стихии с могущественной, разрушающей все до основания силой, воплощенной, однако, в тщедушном, невесомом и брэнном теле. Подобное контекстуальное смысловое многоголосие обычно труднопереводимо. Тем не менее Э. Бромфилд проводит тонкую работу по его перевыражению, используя в переводе английскую идиому *dust and ashes*, чья комплексная семантика отличается коннотативной сложностью в созданном переводчиком контексте, где

⁶ Бакин Д. Указ. соч. С. 8–9.

⁷ Bakin D. Op. cit. P. 4.

выдвижению подвергаются значения разочарования и осознания бренности человеческого бытия.

Еще один важный аспект переводческой работы Э. Бромфилда с повествовательной формой Д. Бакина состоит в подборе лексико-синтаксических соответствий для разных видов повтора, который в оригинале является частотным приемом стилистического выдвижения. Малая проза Д. Бакина отличается внушительным разнообразием повторов — звуковых, лексических, семантических, синтаксических (параллельных конструкций), а также повторов мотивов. Повтор у Д. Бакина помимо усилительно-выразительных функций выполняет также функцию поэтическую, создавая явную «тесноту ряда», формируя уникальный ритм внутри авторского прозаического высказывания и актуализируя в этом высказывании необычные синтактико-семантические связи. Чтение прозы Д. Бакина сродни чтению поэзии, поскольку такая «ощутимость» рядов слова вызывает у читателя определенные ритмические ожидания. Вспомним, например, как М.Л. Гаспаров описывает особенности смыслового восприятия поэтического языка: «Теснота и единство вместе взятые выделяют слова каждой очередной строки как бы крупным планом: это называется «динамизация речевого материала в стихе». <...> Такой текст требует повышенного внимания, то есть читается он замедленно, затрудненно. (В частности, потому что в стихе перед каждым словом читатель испытывает ритмическое ожидание, а после каждого слова — его подтверждение или неподтверждение: у Тынянова это называется «изготовка» и «разрешение»). Эта замедленность восприятия стиха заставляет читателя сосредоточиться на процессе чтения, а не на результате <...>» [Гаспаров, 2004: 86]. Такую сложную синтаксико-семантическую функциональность повторов необходимо учитывать при переводе рассказов Д. Бакина на английский язык. Рассмотрим следующий пример из рассказа «Листья»:

ИТ: В поселке мужчины разошлись по домам, проклиная свою немощь, запирая двери на все замки, щеколды и засовы в надежде отгородиться от мира, где, растворившись в воздухе, бесследно исчезли женщины; обставились бутылками, бутылками, ведрами и канистрами с самогоном, очертив ими круг своих владений, и погрузились в тяжелые волны опьянения, засыпая в поисках ответа, убежденные в том, что всему, что снится, предначертано верить, ибо реальность — половина правды и нигде людям искать вторую половину правды, кроме как во сне. Таким образом, выстроив себе тюрьмы, казематы и темницы, чего требовали поиски правды, они

прожили за решеткой своей немощи две недели⁸ <...>. — ПТ: *In the village the men went back to their houses, cursing their infirmity, fastening all the locks, latches and bolts on their doors in the hope of shutting themselves away from the world where the women had vanished into thin air and disappeared without trace; they surrounded themselves with bottles, demijohns, buckets and petrol-cans of moonshine, laying them out to define the orbit of their domain, and then sank beneath the heavy rolling waves of drunkenness, falling asleep in order to seek for an answer, convinced that everything they saw in their dreams had to be believed, for reality is only half of the truth and people have nowhere else to seek the other half except in their dreams. And so, having constructed for themselves the prison cells and dungeons required for the search for truth, they lived behind the bars of their own incapacity for two weeks⁹ <...>.*

В оригинале лексический повтор выражает тщательность выполнения действия (*запирая двери на все замки, щеколды и засовы*), а также крупный масштаб действия и широкий охват исполнителей действия через перечисление большого количества предметов и выдвижение их разнообразия (*обставились бутылками, бутылями, ведрами и канистрами с самогоном; выстроив себе тюрьмы, казематы и темницы*). В данном отрывке бездна человеческого отчаяния и глубина порока, в котором отчаявшиеся ищут облегчения, метонимически передается через повтор лексики с конкретным, физически ощущаемым значением. Синтаксическая организация речи (осложненное предложение с однородными сказуемыми и обособленными обстоятельствами) в данном случае также является стилистически маркированной, обеспечивая постепенное нарастание смысловой и эмоциональной значимости от начала предложения к его концу.

В переводе синтаксическое уподобление вновь учитывает лексико-грамматическую специфичность целевого языка, для чего в ряде случаев используется грамматическая замена частей речи и прием конкретизации через лексическое добавление (например, *очертив ими круг своих владений* переведено как *laying them out to define the orbit of their domain*). Лексический повтор эквивалентно передается путем тщательного подбора в ПЯ равнозначных соответствий с учетом денотативно-сигнификативных и коннотативных компонентов значений конкретно-предметной лексики ИЯ. Переводчик выстраивает ряды повторяемых существительных, соблюдая

⁸ Бакин Д. Указ. соч. С. 10.

⁹ Bakin D. Op. cit. P. 5.

принцип нарастания определенных признаков. Например, увеличение объема сосуда (в ИТ *бутылка* и *бутыль*) выражено в ПТ существительными *bottles* и *demijohns*, где последнее означает ‘a large, wide, rounded container with a narrow neck, usually made of glass and holding 20–60 litres of liquid’.

Богатая синонимия русского языка в обозначении мест лишения свободы (в ИТ — *тюрьмы*, *казематы* и *темницы*) является лингво- и культурно-специфической: в переводе невозможно учесть все оттенки значения использованных в оригинале существительных. Так, например, в семантическом развитии существительного *каземат* в русском языке очевиден сдвиг от значения ‘укреплённое внутреннее помещение в фортификационном сооружении, защищённое от обстрела’ к значению ‘одиночная камера в тюрьме для содержания заключённых, особенно политических’. А существительное *темница* является устаревшим и/или поэтическим наименованием места заключения и страдания. Наверное, по причине невозможности преодоления всех объективных, культурно обусловленных трудностей лексического перевыражения, в данном случае переводчик ограничивается двумя существительными в ряду (*the prison cells and dungeons*), мотивированно и узуально адекватно используя семантический повтор с последовательной конкретизацией (*dungeon* как ‘a strong, dark prison or cell, usually underground’).

Уникальность текстового развертывания Д. Бакина — в усложненной многослойности синтаксической организации речи, в смысловой эмерджентности, возникающей внутри синтагматически связываемых конструкций и клауз. При этом лексическая сторона его речи отличается смысловой емкостью и изящной простотой. Особо отметим, насколько оригинально раскрывается смысловый потенциал русского словообразования в кажущихся лексически простыми высказываниях автора.

Анализируя смысловую глубину производного слова, Г.Г. Молчанова подчеркивает, что «формирование нового ракурса значения — процесс сложный, имеющий глубокие корни: производное слово — предельный результат импликации <...>» [Молчанова, 2025: 12]. В прозе Д. Бакина ярко проявляется такая «предельность» значения производного слова за счет контекстуальной гиперсемантизации его словообразовательных формантов. Так, например, в следующем высказывании можно наблюдать стилистическое выдвигание многозначности приставок *об-*, *ис-*, *из-*: *И всегда, где бы он ни был, в нем главенствовало стремление неподвижно стоять в стороне от мутного потока лет, где среди ила, обломанных веток, изношен-*

ной одежды, исковерканного оружия, и обкатанных водой костей несутся к совершенству люди <...>¹⁰. Образ «мутного потока лет» лингвостилистически конструируется за счет перечисления причастий, образованных приставочно-суффиксальным способом, по принципу восходящей градации. При этом интенсифицирующий контекст высказывания обеспечивает одновременную реализацию нескольких значений приставок в перечисляемых признаках предмета по действию: приставка *об-* (*обломанные ветки, обкатанные водой кости*) в данном случае характеризуется синкретизмом значений широкой распространенности действия, его всесторонности и обусловленности внешним воздействием; с помощью приставок *из-* (*изношенная одежда*) и *ис-* (*исковерканное оружие*) актуализируются значения доведения действия до предела и исчерпанности действия. Онтологическая позиция главного героя, предпочитающего роль созерцателя, а не активного участника событий, раскрывается через контраст статики его собственного действия (*неподвижно стоять в стороне*) и динамики действий в беспорядочном движении суетного человеческого бытия.

Оттенки значения русского производного слова, возникающие как результат суффиксальных и приставочных способов деривации, не всегда полно передаются средствами английского языка по причине объективных различий в словообразовательной семантике двух языков. В ряде случаев при переводе возможны смысловые потери отдельных компонентов производного значения: *погибельная улыбка* (Анны) — *a fatal smile; она обрушила на него шквалы огня* — *she bombarded him with barrages of fire; окончательно отяжелевший* (полковник) — *grown overweight; неприкаянный, беспризорный* (вид) — *homeless, neglected* и др. Однако в целом Э. Бромфилду удается раскрыть семантический потенциал производного русского слова путем подбора вариантных контекстуальных соответствий и использования переводческих трансформаций: *звериная непримиримость* — *a ferocious intransigence; подбородок рыжеволосого мужчины дрогнул, точно отслоился пласт породы* — *the red-headed man's chin suddenly quivered as though a stratum of rock had slipped and split away; руки точно распадаются от бессилия в тщетном шаривании ножа* — *his hands seemed to be crumbling as they fumbled vainly for the knife* и др.

Тщательный подбор соответствий для русских производных слов чрезвычайно важен для обеспечения лексико-грамматической

¹⁰ Бакин Д. Указ. соч. С. 13–14.

идиоматичности перевода текста с русского языка на английский, а при использовании синтаксического уподобления в работе со сложной повествовательной формой могут потребоваться комплексные переводческие трансформации для воссоздания паттернов оригинального текстового развертывания без потери смысловой полифонии отдельного художественного слова. Обратим внимание на переводческие перестановки и замены в следующем отрывке:

ИТ: *Бедолагин, не принимавший участия в играх, которые устраивали его сверстники, желавшие испытать судьбу, все более замыкался в себе, предпочитая внешней жизни внутреннюю, но все дороги, по которым он шел к призрачным целям, способным утолить жажду познания, были дорогами прочь*¹¹. — ПТ: *Bedolagin took no part in the games organized by his peers who wished to tempt fate and he became even more withdrawn, preferring the inner life to the outer; the roads he followed to the illusory goals which would satisfy his thirst for understanding were all roads that led away from them*¹².

Объективные различия в морфологическом строе русского и английского языков объясняют использование в ПТ отличных от ИТ способов выражения грамматических значений и типов синтаксической организации: например, в английском языке потребовалась замена русскоязычного осложнения с причастными оборотами на определительную подчинительную связь и т.п. При этом переводчик особенно внимательно относится к передаче собственно-возвратного значения и комплексной семантики ключевого для данного контекста выражения *замыкался в себе*. В ИТ важны значения направленности действия на себя и совершения действия в своих интересах (постфикс *-ся*); выстраивания границы действия через его направленность вглубь (*замыкаться* как ‘обособливаться, ограничиваться’); приватности, неприкосновенности и ценности личного пространства (*замыкать* как ‘запирать на замок для сохранности’). В ПТ имеет место грамматическая замена для более точного выражения возвратного значения перехода в новое состояние (*became withdrawn*). При этом подобранный переводчиком контекстуальный эквивалент *withdrawn* точно передает все денотативные и коннотативные оттенки исходного производного слова — в том числе, за счет своей словообразовательной формы и семантического вклада каждой из двух объединяемых основ *with-* и *-drawn*. Английское причастие прошедшего времени реализует те же значения внутренней замкнутости и отстраненности (*with-*

¹¹ Бакин Д. Указ. соч. С. 12.

¹² *Bakin D.* Op. cit. P. 7.

drawn как ‘socially detached and unresponsive’), самодостаточности (‘preferring to be alone’), что и в оригинале. В рамках высказывания как смыслового целого такая комплексная переводческая трансформация позволяет воссоздать сложную семантику исходного производного слова *замыкаться*, которое важно для понимания предельности и самоограниченной цельности внутренней субъективной реальности главного героя.

Таким образом, проведенный нами сопоставительный анализ рассказов Д. Бакина и их переводов на английский язык доказывает эффективность выбора синтаксического уподобления в качестве переводческой стратегии, направленной на воссоздание смысловой содержательности повествовательной формы оригинала. В случае рассказов Д. Бакина данная стратегия также способствует решению коммуникативно-функциональных задач перевода, поскольку реконструирует в ПТ тот же ритм повествования и те же эффекты управления вниманием читателем, что и ИТ. В конечном счете, реконструкция в ПТ основных паттернов неконвенционального текстового развертывания и осложненной синтаксической организации способствует сохранению в переводе поэтической и идейно-эстетической функций оригинала.

В заключение отметим, что вопросы синтаксической эквивалентности и грамматической идиоматичности перевода остаются актуальными для любых переводных пар, поскольку все языки характеризуются ограниченной и избирательной сочетаемостью, связанностью и сверхкомпозициональностью значений в словосочетаниях, специфичностью в выражении лексико-грамматических значений в речевой цепи и т.п. В письменном переводе именно эти характеристики языков переводной пары являются определяющими как при работе с локальными единицами перевода (при подборе межъязыковых соответствий, использовании переводческих трансформаций, выборе средств когезии и т.п.), так и при работе с глобальной единицей перевода — письменным текстом как законченным, структурно организованным и оформленным смысловым целым. Соответственно, переводоведческое исследование разных вариантов преодоления трудностей, вызванных межъязыковыми различиями в способах линейно-последовательной организации письменной речи, необходимо как для теории перевода (для более детального понимания общелингвистических основ переводческой деятельности), так и для прикладного переводоведения, которое стремится выработать алгоритмы действий переводчика при решении конкретных переводческих задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспаров М.Л.* «Теснота стихового ряда». Семантика и синтаксис // L. Fleishman, Ch. Gözl, A.A. Hansen-Löve (Hg.). *Analysieren als Deuten* Wolf Schmid zum 60. Geburtstag. Hamburg: Hamburg University Press, 2004. С. 85–95.
2. *Кожанова Д.В.* Забытые заветы. Дмитрий Бакин // *Вопросы литературы*. 2015. № 5. С. 51–62.
3. *Котлов А.К.* Образы времени в прозе Дмитрия Бакина // *Вестник Костромского государственного университета*. 2012. № 1. С. 287–290.
4. *Молчанова Г.Г.* Деривационные возможности фразового эпитета как источника порождения новых лексем // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2025. Т. 28. № 1. С. 9–20.
5. *Падучева Е.В.* В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // *Известия ОЛЯ АН РАН. Серия литературы и языка*. Т. 54. № 3, 1995. С. 39–48.
6. *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
7. *Устинова Т.В.* Идиоматичный перевод: общие принципы и переводческие решения // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024. Т. 27. № 4. С. 115–126.
8. *Устинова Т.В.* Переводческие решения в работе с формой и содержанием поэтического текста // *Сборник научных трудов XI научно-практической конференции с международным участием «Учитель. Ученик. Учебник» 13 декабря 2024 г. / научн. ред. Г.Г. Молчанова. М.: «КДУ», 2025. С. 242–248.*
9. *Bromfield A.* Translator's note // *Bakin D. Reason for Living / Ed. by B. Lindsey; translated by A. Bromfield. London; New York : Granta Books, 2002. Pp. xiii–xiv.*
10. *Lindsey B.* Foreword to D. Bakin's "Reasons for Living" // *Bakin D. Reason for Living / Ed. by B. Lindsey; translated by A. Bromfield. London; New York : Granta Books, 2002. Pp. vii–xii.*

Tatiana V. Ustinova

NARRATIVE AND SYNTACTIC ORGANIZATION OF DMITRY BAKIN'S SMALL PROSE: EQUIVALENCE AND IDIOMATICITY OF TRANSLATION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; utanja@mail.ru

Abstract. Using the methodological framework of narrative linguistics and linguistic stylistics, this article studies the narrative organization of Dmitry Bakin's short stories. Functional, structural-syntagmatic, and figurative-expressive parameters of the writer's unique literary language are illustrated through analyzing the story "Leaves". Andrew Bromfield's English translation of the story is examined to identify optimal translation techniques for recreating the complex aesthetic form of the source text, constructed according to the principle of narrative polyphony and dynamic shifts in narrative modes (with zero, external, and

internal focalization). The comparative translational analysis is used to identify a general program of translation actions (translation strategy) that enables the translator to achieve formal-aesthetic equivalence between texts in two languages and fulfill the pragmatic task of preserving the source text compositional and syntactic invariance in all its structural, semantic, and stylistic complexity. Translational syntactic assimilation is described as a translator's strategy for working with the narrative form of a text, the development of which occurs through the cascading syntactic complication of simple sentences and through the branching juxtaposition and contrasting of different types of coordinative and subordinate connections within a single narrative passage.

Keywords: literary translation, compositional and structural difficulties of translation, translational syntactic assimilation, free indirect discourse, grammatical idiomaticity of translation

For citation: Ustinova T.V. (2026) Narrative and syntactic organization of Dmitry Bakin's small prose: equivalence and idiomaticity of translation. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 150–166. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-10 (In Russ.)

About the author: Tatiana V. Ustinova — Dr. Habil. in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; utanja@mail.ru

REFERENCES

1. Gasparov M.L. 2004. «Tesnota stihovogo rjada». *Semantika i sintaksis* [“The tightness of the verse series.” *Semantics and syntax*]. In L. Fleishman, Ch. Gözl, A.A. Hansen-Löve (eds.). *Analysieren als Deuten Wolf Schmid zum 60. Geburtstag*. Hamburg, pp. 85–95. (In Russ.)
2. Kozhanova D.V. 2015. Zabytye zavety. Dmitry Bakin [Forgotten covenants. Dmitry Bakin]. *Voprosy literatury*, no. 5, pp. 51–62. (In Russ.)
3. Kotlov A.K. 2012. Obrazy vremeni v proze Dmitrija Bakina [Images of time in the prose of Dmitry Bakin]. *Vestnik of Kostroma State University*, no. 1, pp. 287–290. (In Russ.)
4. Molchanova G.G. 2025. Derivacionnye vozmozhnosti frazovogo jepiteta kak istochnika porozhdenija novyh leksem [Phrase epithet derivational possibilities as source of new lexical units]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1, pp. 9–20. (In Russ.)
5. Paducheva E.V. 1995. V.V. Vinogradov i nauka o jazyke hudozhestvennoj prozy [V.V. Vinogradov and the science of the language of fiction]. *Izvestiia Rossijskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, no. 54/3, pp. 39–48. (In Russ.)
6. Paducheva E.V. 1996. *Semanticheskie issledovanija. Semantika vremeni i vida v ruskom jazyke. Semantika narrativa*. [Semantic studies. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow. (In Russ.)
7. Ustinova T.V. 2024. Idiomaticnyj perevod: obshhie principy i perevodcheskie reshenija [Idiomatic translation: general principles and translation solutions]. *Lo-*

monosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, no. 4, pp. 115–126. (In Russ.)

8. Ustinova T.V. 2025. Perevodcheskie reshenija v rabote s formoj i sodержaniem pojeticheskogo teksta [Translation decision-making in dealing with the form and the content of a poetic text]. In Molchanova G.G. (ed.) *Sbornik nauchnyh trudov XI nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem "Uчител. Uchebnik"*. Moscow, pp. 242–248. (In Russ.)

9. Bromfield A. 2002. Translator's note. In Bakin D. *Reasons for Living*. Edited by B. Lindsey; translated by A. Bromfield. London; New York: Granta Books, pp. xiii–xiv.

10. Lindsey B. 2002. Foreword to D. Bakin's "Reasons for Living". In Bakin D. *Reasons for Living*. Edited by B. Lindsey; translated by A. Bromfield. London; New York: Granta Books, pp. vii–xii.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025;
одобрена после рецензирования 07.12.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 21.10.2025;
approved after reviewing 07.12.2025;
accepted for publication 15.12.2025.